

На правах рукописи

ЧЕПУРНАЯ Алена Ивановна

**ЯЗЫКОВОЕ МАРКИРОВАНИЕ
ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
АВТОРА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Ростов-на-Дону – 2015

Работа выполнена в ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Красса Сергей Иванович

Официальные оппоненты: **Желтухина Марина Ростиславовна**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» / кафедра английской филологии, профессор

Бринев Константин Иванович
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет» / кафедра общего и русского языкознания, профессор

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Защита состоится «___» _____ 2015 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.17 по филологическим наукам при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» по адресу: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33, ауд. № 202.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»: <http://hub.sfedu.ru/diss/announcements>

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Григорьева Надежда Олеговна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Ответственность субъекта речемыслительной деятельности за порождаемые речевые произведения вызывает в настоящее время повышенный интерес исследователей. С развитием лингвоэкспертной деятельности возникла проблема разграничения утверждения о фактах и выражения мнения, активно разрабатываемая современными языковедами (К.И. Бринев, А.Н. Баранов, А.А. Карагодин, С.В. Доронина, И.А. Кудряшов и др.), но до сих пор не нашедшая однозначного решения. Значительный интерес вызывают у исследователей смежные с эпистемической ответственностью категории эпистемической модальности (Дж. Лайонз, А.В. Зеленщиков, В.М. Швец, F. De Naan, V. Cornillie, S. Kranich, V. Gast, J. Bybee и др.) и эвиденциальности (Н.А. Козинцева, Ю.Е. Балабаева, Б. Вимер, О.А. Кобрина, Е.Е. Корди, В.А. Михайлова, Р. Ницолова, А.У. Aikhenvald, G. Diewald, M.T. Faller и др.), однако остается не изученным их потенциал в аспекте выражения ответственности автора. Предметом исследований выступали и языковые средства, эксплицирующие степень ответственности автора за свои речевые произведения: эпистемические наречия английского языка (С.Г. Меликсетян, M. Carretero, J.R. Zamorano-Mansilla, А.-М. Simon-Vandenberg), дискурсивные слова русского языка (А.Н. Баранов, Д. Пайар, К.Л. Киселева), а также сложноподчиненные предложения с лексико-семантическими конкретизаторами, выраженными дискурсивными словами (С.А. Манаенко), глаголы ментальной деятельности (Ю.Д. Апресян, Е.Р. Иоанесян, И.Н. Идзинская, Л.И. Кондратенко), лексемы-ограничители (G. Lakoff, А.Н. Баранов), конструкции инференциальной семантики (А.Г. Етко), средства выражения авторского знания (С.В. Бекетова). Однако эти исследования посвящены главным образом иным аспектам семантики и прагматики языковых единиц, а не их способности выражать степень авторской ответственности.

Изучение эпистемической ответственности и средств ее языкового маркирования, несомненно, полезно для теории языка и прикладных областей лингвистики, тем более что данная проблема до сих пор не была предметом специального исследования. Сказанное, как представляется, в полной мере может служить обоснованием **актуальности** выбранной темы диссертационного исследования.

Объектом исследования является эпистемическая ответственность автора публицистического текста.

Предметом исследования выступают языковые средства маркирования эпистемической ответственности автора публицистического текста.

Исследование проведено на **материале** 1500 текстовых фрагментов, полученных методом сплошной выборки из текстов интернет-версий русских, немецких и английских газет, а также на материале газетного корпуса Национального корпуса русского языка, корпуса немецкого языка Das Deutsche Referenzkorpus (DeReKo, COSMAS-Korpora, IDS-Korpora) и Британского национального корпуса British National Corpus (BNC).

Гипотеза исследования основывается на следующих предположениях:

– эпистемическая ответственность актуализируется в процессе коммуникации и находит свое выражение в языке;

– выявление и описание языковых средств маркирования эпистемической ответственности возможно с опорой на лингвистические категории эпистемической модальности и эвиденциальности;

– исследование эпистемической ответственности и средств ее языкового маркирования особенно актуально и значимо в сфере публицистики.

Цель диссертации заключается в выявлении, описании и типологизации языковых средств маркирования эпистемической ответственности автора публицистического текста. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

– уточнить содержание понятия «эпистемическая ответственность автора» на основе его анализа в эпистемологическом, юридическом и лингвистическом аспектах;

– определить связь эпистемической ответственности с категориями эпистемической модальности и эвиденциальности;

– выявить и описать языковые средства маркирования эпистемической ответственности на материале русской, немецкой и английской публицистики;

– разработать типологию этих средств.

Методологическая база исследования. Методология настоящего исследования включает три уровня: философский, общенаучный и частнонаучный. Философской основой исследования выступает понимание языка как общественного явления, одной из важнейших функций которого является накопление, хранение и передача знаний.

Общенаучные методологические основы исследования опираются на принципы системности, антропоцентризма и междисциплинарности. Принцип системности определяет изучение объекта исследования во взаимосвязи со смежными категориями эпистемической модальности и эвиденциальности. Принцип антропоцентризма позволяет рассматривать человека как ответственного субъекта речемыслительной деятельности. Принцип междисциплинарности обеспечивает рассмотрение исследуемого явления, связанного, с одной стороны, с когнитивной сферой говорящего, а с другой, в своем языковом выражении, – с правовой сферой, с привлечением знаний из иных областей научного знания, а именно эпистемологии и юрислингвистики, для которых проблема эпистемической ответственности также значима.

Частнонаучная методология опирается на концепции П. Энгеля, Дж. МакДауэлла, У. Ренц о эпистемологических основаниях эпистемической ответственности, воззрения К.И. Бринева, А.А. Карагодина, А.Н. Баранова, Н.Д. Арутюновой, М.А. Дмитровской, Л.А. Араевой, М.А. Осадчего о содержании и соотношении дескриптивных и оценочных высказываний, категорий факта, утверждения, мнения, на идею Дж. Лайонза об эпистемическом обязательстве, на понимание категории эпистемической модальности, разработанное Дж. Лайонзом, А.В. Зеленщиковым, В.З. Панфиловым, Ф. Палмером, Дж. Байби, исследования категории эвиденциальности, проводимые Р.О. Якобсоном, Н.А. Козинцевой, Б. Ханзенем, Б. Вимером, Ф. де Хааном,

А.Ю. Айхенвальд, на концепцию дискурсивных слов А.Н. Баранова, К.Л. Киселевой, Д. Пайара, а также исследования других ученых, внесших вклад в разработку изучаемой проблемы.

Методами и приемами исследования являются описательный метод, включающий приемы наблюдения, сопоставления и обобщения, метод сравнительного анализа, дающий возможность сопоставить языковые средства маркирования эпистемической ответственности в русско-, немецко- и англоязычной публицистике, методы лексикографического, компонентного и контекстуального анализа. При разработке теоретической модели исследования использовался гипотетико-дедуктивный метод, при построении типологии языковых средств маркирования эпистемической ответственности – метод классификации, при разработке шкалы эпистемической ответственности – метод шкалирования, при сборе и анализе эмпирического материала – метод сплошной выборки, корпусный метод, а также методика сбора и обработки собранного языкового материала с использованием компьютерной базы данных.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эпистемическая ответственность автора представляет собой ответственность за достоверность передаваемой информации и связана, с одной стороны, с когнитивной сферой говорящего, поскольку демонстрирует прямую зависимость от выражаемой им уверенности в достоверности пропозиционального содержания высказывания, а с другой стороны, со степенью признания себя автором выражаемой пропозиции, так как в случае индифферентной или дубитативной передачи косвенной речи говорящий снимает с себя ответственность за достоверность информации.

2. Эпистемическая ответственность коррелирует с эпистемической модальностью и эвиденциальностью в плане содержания и плане выражения. Эпистемическая модальность семантически выражает оценку субъектом речемыслительной деятельности достоверности пропозиционального содержания высказывания, а прагматически – степень принятия на себя ответственности за эту оценку. Связь категории эвиденциальности с эпистемической ответственностью обусловлена тем, что в формировании оценки содержания высказывания, описывающего ситуацию, в аспекте достоверности важную роль играет качество, количество и источник информации об этой ситуации, находящиеся в распоряжении субъекта речи-мысли. Языковые маркеры эпистемической ответственности и экспликативы эпистемической модальности и эвиденциальности синкретичны, что позволяет рассматривать эпистемическую модальность и эвиденциальность как категории-экспликативы эпистемической ответственности.

3. Языковое маркирование эпистемической ответственности в русской, немецкой и английской публицистике возможно на лексическом, синтаксическом, а в немецком языке и морфологическом уровнях.

Типология маркеров эпистемической ответственности (ЭО) разработана с учетом ее шкалы, в центре которой располагается полная ответственность, сопряженная с немаркированным фактографическим высказыванием. Маркеры высокой эпистемической ответственности занимают правую зону шкалы, а ле-

вая зона отражает снижение эпистемической ответственности вплоть до ухода от нее. В соответствии с этим выделены три типа маркеров: высокая ЭО, низкая ЭО, уход от ЭО, разделенные далее на пятнадцать классов с учетом их принадлежности к уровню языковой системы (морфологический / синтаксический / лексический) и лексико-грамматических характеристик.

4. Высокая степень эпистемической ответственности выражается с помощью трех классов лексико-синтаксических средств с семантикой категорической достоверности, инференциальной уверенности, фактивности.

Снижение степени эпистемической ответственности маркируется на лексическом, синтаксическом, морфологическом (в немецком языке) уровнях с помощью пяти классов маркеров с семантикой проблематической достоверности, возможности, вероятности, путативности.

Уход от эпистемической ответственности сопряжен с контекстами репортивной эвиденциальности, показывающими, что субъект высказывания не является в полной мере его автором, и маркируется с помощью семи классов лексических, синтаксических, морфологических (специфично для немецкого языка) средств.

Новизна проведенного исследования заключается в том, что в нем продемонстрирована связь эпистемической ответственности автора с когнитивной сферой говорящего и со степенью признания себя автором выражаемой пропозиции, обоснована концепция эпистемической ответственности как категории, реализуемой в процессе коммуникации посредством эпистемической модальности и эвиденциальности, разработана шкала эпистемической ответственности, осуществлена типологизация средств маркирования эпистемической ответственности автора публицистического текста.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что результаты проведенного исследования углубляют теорию эпистемической модальности и эвиденциальности, способствуют разработке методологии эпистемической ответственности благодаря построенной теоретической модели, отражающей связь эпистемической ответственности со степенью выражаемой автором уверенности в достоверности сообщаемого и степенью авторства, что позволило уточнить содержание понятия эпистемической ответственности автора текста как ответственности за достоверность пропозиционального содержания высказывания. Результаты исследования вносят вклад в разработку проблемы соотношения категорий фактографических и оценочных высказываний, способствуют углублению знаний в области соотношения языка и ментальной сферы субъекта речемыслительной деятельности, дополняют теорию журналистики в аспекте современных тенденций в сфере массовой коммуникации.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования полученных результатов в преподавании университетских курсов по общему языкознанию, дискурс-анализу, а также дисциплин по выбору, связанных с лингвистической экспертизой текстов. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы для проведения лингвистической экспертизы текстов, в том числе диффамационного содержания, в частности, в делах по защите чести, достоинства и деловой репутации.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены на международных и региональных конференциях (Москва, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Новосибирск, Одесса, Лондон, Мюнхен). По теме диссертационного исследования опубликовано 18 статей, из них 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, и 1 – в издании, индексируемом в международных наукометрических базах данных Web of Science и SCOPUS.

Структура диссертации включает в себя введение, три главы, заключение, библиографический список, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационной работы, определяются предметно-объектная область и материал исследования, выдвигается гипотеза, формулируются цель и задачи, описываются методологическая база и методы исследования, его новизна, теоретическая и практическая ценность, определяются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации работы и ее структуре.

В **первой главе «Проблема ответственности автора в публицистике»** описываются теоретические предпосылки изучения эпистемической ответственности в эпистемологическом, юридическом и лингвистическом аспектах.

Эпистемология может считаться исконным «ареалом» изучения эпистемической ответственности, где последняя рассматривается через стремление субъекта формировать истинные суждения с опорой на противопоставление «знание – мнение». Согласно классической точке зрения, только знание выступает подответственной категорией, поскольку формируется активным действующим субъектом, агенсом, с участием воли. Вместе с тем в научной литературе распространены точки зрения, конкурирующие с классическим представлением. Основания, приводимые в защиту доксистической ответственности (ответственности за мнение), различны. Так, П. Энгель не считает целесообразным связывать эпистемическую ответственность с традиционным пониманием агенса и определяет мнение как подответственную категорию. Ряд исследователей (С. Ginet, М. Steup, J.A. Montmarquet) опровергают положение о том, что мнение не находится под контролем воли.

Сравнительно недавно эпистемическая ответственность стала категорией, релевантной для лингвистики и юридической науки, что было сопряжено с развитием современной лингвистической экспертологии, необходимостью решения конкретных юридических и юрислингвистических задач по определению форм и характеристик высказываний, подлежащих ответственности, и степени этой ответственности. В основу решения была положена эпистемологическая дихотомия «знание – мнение», что отражено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ как необходимость разграничения утверждений о фактах и выражения мнения при определении степени ответственности субъекта за распространенную информацию в ходе решения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. В то же время проблема разграничения фактографических и оценочных высказываний, представляющих собой корреляты эпистемологических категорий знания и мнения на языковом уровне, до сих пор не нашла

однозначного решения и находится в центре внимания современных исследователей.

В связи с необходимостью разграничения фактографических и оценочных суждений представлен анализ значений и соотношения таких категорий, как «утверждение», «мнение», «убеждение», «оценка», «факт», «суждение» с выводом о том, что **утверждение** всегда вербализованно, объективно, верифицируемо, подответственно, поскольку говорящий осуществляет выбор одной из нескольких возможностей и, естественно, несет ответственность за свой выбор. При этом говорящий уверен в правильности выбора, убежден в том, что содержание высказывания соответствует реальному положению дел (если утверждение искренне), что, однако, не исключает его ошибочности относительно объективной действительности. Следует отметить, что всякое употребление языка субъективно, поскольку осуществляется конкретным субъектом, поэтому, говоря об объективности утверждения, мы имеем в виду его направленность на описание объективной действительности, тогда как мнение отражает внутренний ментальный мир субъекта.

Факт отличается от утверждения тем, что может быть только истинным, обладает презумпцией истинности. Отличие заключается также в том, что утверждение может рассматриваться и как деятельность, речевой акт, и как результат этой деятельности, тогда как факт не включает деятельностный компонент, а представляет собой лишь достоверное содержание высказывания.

Мнение представляет собой субъективную категорию, суждение о явлениях и событиях в условиях нехватки достоверных данных, чем объясняется возможность одновременного существования разных точек зрения на одно и то же явление, является своего рода «достройкой» имеющейся в наличии у субъекта информации. Мнение неоднородно по своей структуре и может иметь форму предположения, оценки, убеждения, догадки, умозаключения и др. Таким образом, **оценка** представляет собой частный случай мнения и имеет в своей основе отношение субъекта к оцениваемому явлению с позиций, например, «хорошо / плохо», «правильно / неправильно», «добро / зло», «можно / нельзя». Мнение может оставаться невысказанным, например, *держат свое мнение при себе* или носить надличностный характер: *общественное мнение*, но, вероятнее всего, мнение как индивидуально-личностная структура является его первичной формой. **Убеждение** представляет собой мнение, характеризующееся убежденностью субъекта в его правильности. Говоря о связи мнений, оценок, убеждений с эпистемической ответственностью, мы склоняемся к точке зрения, что эти категории являются предметом частичной ответственности.

Суждение, в свою очередь, является проявлением иной плоскости речемыслительной деятельности, поскольку представляет собой категорию логики, отражающую пропозициональную и субъектно-предикатную структуры. Суждение на уровне логики и мышления лежит в основе любого высказывания, будь то утверждение, мнение или оценка.

В российской практике судебных экспертиз, как отмечают Л.А. Араева и М.А. Осадчий, сложились два подхода к разграничению фактов и оценок: формально-семантический и прагматический. Первый заключается в поиске в ана-

лизируемом контексте формальных показателей коммуникативной функции высказывания, тогда как последний предполагает анализ точек зрения автора и адресата речи. В данном случае фраза не содержит маркеров мнения или предположения. Во внимание принимается мировоззренческая позиция автора в момент написания текста и то, как данное высказывание воспринимается рядовым читателем – как выражение мнения или как сообщение сведений.

Языковые средства, с помощью которых возможно выражение эпистемической ответственности, неоднократно выступали предметом исследований российских и зарубежных ученых, однако рассматривались под иным углом зрения. К лингвистическим предпосылкам изучения эпистемической ответственности можно отнести некоторые аспекты теории речевых актов, а именно условия успешного функционирования перформативов Дж. Остина, изучение лексем-ограничителей (G. Lakoff, А.Н. Баранов), эпистемических наречий английского языка (M. Carretero, J.R. Zamorano-Mansilla, А.-М. Simon-Vandenberg, С.Г. Меликсетян), дискурсивных слов русского языка (А.Н. Баранов, К.Л. Киселева, Д. Пайар), ментальных предикатов (Ю.Д. Апресян, Анна А. Зализняк, Л.И. Кондратенко, И.Н. Идзинская, Е.Р. Иоанесян и др.), позиции автора, а также категорий эпистемической модальности и эвиденциальности.

Во второй главе «Категории-экспликатеры эпистемической ответственности» анализируются категории эпистемической модальности и эвиденциальности, связанные с эпистемической ответственностью в плане содержания и плане выражения, а также языковые средства их экспликации.

В отечественных и зарубежных лингвистических исследованиях неоднократно предпринимались попытки определения содержания категории модальности, классификации модальных значений, а также описания средств их выражения (В.В. Виноградов, Ш. Балли, А.В. Зеленщиков, J. Lyons, F.R. Palmer и др.). Несмотря на то что эта проблема до сих пор не нашла однозначного решения, большинство исследователей сходятся во мнении, что модальность включает объективный и субъективный компоненты. В западноевропейских исследованиях важной является дихотомия деонтическая / корневая (root) / неэпистемическая – эпистемическая модальность. Это различие, как отмечает А.В. Зеленщиков, проводится главным образом на материале модальных глаголов и в семантическом плане связано с противопоставлением «прямое значение (в случае корневой интерпретации высказывания) – переносное значение (в случае эпистемического прочтения) модального глагола».

Большинство исследователей категории модальности выделяют в ее составе эпистемический компонент, который выступает под различными терминологическими обозначениями: эпистемическая модальность (Дж. Байби, Ф. Палмер и др.), персуазивная модальность (В.З. Панфилов). В классификации Г. Габеленца эпистемические модальные значения входят в состав психологической модальности.

Эпистемическая модальность (персуазивность) представляет собой систему модальных значений, семантически отражающих оценку говорящим степени познанности и фактуальности передаваемой пропозиции, а прагматически

– степень принятия на себя говорящим ответственности за достоверность транслируемой информации.

Вслед за В.З. Панфиловым мы выделяем в составе эпистемической модальности три группы значений: простую, проблематическую и категорическую достоверность. Эпистемическая модальность отражает соотношение трех категорий: говорящего, пропозиции и реальности. Простая достоверность является немаркированным членом оппозиции, представляя пропозицию «по умолчанию» как соответствующую действительности. Высказывания с простой достоверностью имплицитно содержат модальную рамку «известно, что...». Проблематическая достоверность маркирует неуверенность говорящего / пишущего в соответствии содержания высказывания реальному положению дел, в то время как категорическая достоверность выражает уверенность субъекта речевой деятельности в достоверности сообщаемого. Значения проблематической и категорической достоверности характеризуются неоднородным семантическим наполнением, включающим оттенки различной степени сомнения или уверенности. Эпистемически наиболее сильными, согласно концепции Дж. Лайонза, являются высказывания с простой достоверностью, поскольку пропозиция представляется как объективно достоверная, не подвергающаяся сомнению и не нуждающаяся в модальных усилителях. Ввод в высказывание модального маркера как со значением проблематической, так и категорической достоверности приводит к снижению его эпистемической силы.

Шкала значений эпистемической модальности с простой достоверностью на вершине не совпадает со шкалой эпистемической ответственности: степень ответственности возрастает, очевидно, в случае эмфатического подчеркивания говорящим своей уверенности в достоверности сообщаемого за счет дополнительных средств. Из этого следует, что, вводя в высказывание маркеры категорической достоверности, автор выражает готовность отстаивать пропозицию как достоверную, а следовательно, принимает на себя наивысшую степень ответственности.

Основными маркерами эпистемической модальности в русском, немецком и английском языках являются лексико-синтаксические средства (Табл. 1): модальные слова (глаголы, наречия) и словосочетания, а также модусные глаголы и прилагательные с эпистемической семантикой. В немецком языке значения проблематической достоверности могут быть выражены также на морфологическом уровне глагольными формами будущего времени. Немаркированный член оппозиции эпистемических значений – простая достоверность – выражается изъявительным наклонением глагола без показателей модальности.

**Языковые средства выражения эпистемической модальности
в русском, немецком и английском языках**

ЭЗ – эпистемическое значение

ПрД – простая достоверность

ПД – проблематическая достоверность

КД – категорическая достоверность

Средства экспликации	Маркер			ЭЗ
	русский	немецкий	английский	
изъявительное наклонение глагола (индикатив)	Изъявительное наклонение глагола является средством оформления немаркированного фактографического высказывания, утверждения в трех языках			ПрД
модальные глаголы	<i>мочь, должен</i> + инфинитив	<i>müssen, dürfen, können, mögen, sollen, wollen</i>	<i>may, might, can, could, must, will, would</i>	ПД
модальные (эпистемические) наречия и (дискурсивные, вводные) слова	<i>может, может быть, должно быть, кажется, возможно, видимо, похоже, вероятно, наверное, по моему</i>	<i>vielleicht, vermutlich, womöglich, wahrscheinlich, möglicherweise, eventuell, offenbar, wohl</i>	<i>seemingly, apparently, probably, perhaps, maybe, arguably, likely</i>	ПД
	<i>естественно, действительно, разумеется, конечно, безусловно, бесспорно</i>	<i>sicher, zweifellos, wirklich, natürlich, tatsächlich</i>	<i>clearly, obviously, evidently, certainly, undoubtedly, decidedly, definitely</i>	КД
модальные словосочетания с существительными или глагольными формами (вводные обороты)	<i>такое впечатление, по моему мнению, на мой взгляд; как кажется, судя по всему</i>	<i>meiner Meinung nach, meines Erachtens; dem Anschein nach</i>	<i>in my opinion, to my mind, in my view</i>	ПД
	<i>без сомнения, (само собой) разумеется</i>	<i>kein Zweifel, ohne Zweifel, mit Sicherheit</i>	<i>no doubt, in fact, for a fact</i>	КД
модусные (фактивные / путативные) глаголы и прилагательные с эпистемической семантикой	<i>Я думаю, (что) Я считаю, (что); кажется</i>	<i>Ich vermute, (dass) Ich glaube, (dass) Ich denke, (dass) Ich meine, (dass) Es ist möglich, (dass); scheinen</i>	<i>I guess I think (that); seem</i>	ПД
	<i>Я знаю, (что) Я уверен, (что)</i>	<i>Ich weiß, (dass) Ich bin sicher, (dass)</i>	<i>I know (that) I am sure (that)</i>	КД
временные формы глагола в модальном употреблении	–	Futur I и II	–	ПД

Категория эвиденциальности, называемая также засвидетельствованностью, а во франкоязычной лингвистике – медиативностью или медиативом (*médiatif*), представляет собой модификацию высказывания по линии источника информации. Р.О. Якобсон ввел термин «засвидетельствованность» (*evidential*) для обозначения глагольной категории, характерной для некоторых языков (например, болгарского) и учитывающей сообщаемый факт, факт сообщения и источник сведений о сообщаемом факте. Однако не во всех языках значение эвиденциальности закреплено за глаголом. Так, в русском, немецком и английском

языках указание на источник информации факультативно и выражается на лексико-синтаксическом уровне. В большинстве современных исследований, посвященных изучению эвиденциальности, она рассматривается в широком смысле, не как грамматическая, а как семантическая категория, категория текста, а ее экспликативы не ограничиваются глаголами, а включают и другие средства указания на источник передаваемой информации (Н.А. Козинцева, Р. Ницолова, Е.Е. Корди и др.).

Эвиденциальность неоднородна по своему содержанию и включает две группы значений: прямую эвиденциальность, означающую, что говорящий был или является прямым свидетелем события, и косвенную эвиденциальность, означающую, что говорящий не располагает прямыми доказательствами, но имеет иные основания для своего суждения. Последняя включает, в свою очередь, инференциальные, т.е. выражающие выводной характер пропозиции из доступной говорящему информации, и репортативные значения, указывающие на то, что передаваемая говорящим информация была получена им от другого лица.

Эвиденциальность не тождественна эпистемической модальности, но близка к ней по своему содержанию, что подтверждается, в частности, тем фактом, что некоторые эвиденциалы характеризуют высказывание одновременно и по линии субъективной оценки говорящим степени фактуальности пропозиции (например, *кажется, якобы*), давая исследователям основание говорить о «эвиденциально-эпистемическом синкретизме» («evidential-epistemic syncretism») (В. Wiemer, V. Kampf).

Очевидно, существует определенная связь между источником, из которого говорящий получил сведения, и степенью его уверенности в достоверности этой информации. Если говорящий был прямым свидетелем событий, видел их своими глазами (прямая эвиденциальность), то он не будет подвергать сомнению достоверность описывающей их пропозиции. Иначе обстоит дело с косвенным источником информации (косвенная эвиденциальность). Прибегая к использованию маркеров косвенной эвиденциальности, говорящий указывает на то, что не располагает точной информацией о достоверности сообщаемого. Так, инференциальные высказывания формируются в условиях недостаточных доказательств, с опорой на имеющуюся в распоряжении говорящего информацию, которая рассматривается им как возможное основание для инференциально выводимого знания. При сопровождении пропозиции экспликативами проблематической достоверности говорящий снижает степень своей ответственности за сказанное. Информация из «вторых рук» (репортативная эвиденциальность) при индифферентной ее передаче не сопровождается эпистемической квалификацией высказывания: говорящий выступает лишь ретранслятором и снимает с себя ответственность за сказанное.

Ссылка на внешний источник информации в текстах масс-медиа может быть использована автором с двоякой целью:

– как стремление к объективности, беспристрастности передачи информации, средство подтверждения правдивости сообщаемых сведений, особенно в случае ссылки на авторитетный источник;

– как попытка избежать ответственности за сказанное. В данном случае автор может прибегать к средствам речевого манипулирования, ссылаясь зачастую на неопределенный, непроверяемый источник информации. При этом ссылка на неизвестный источник вовсе не предполагает его обязательного наличия, а может быть введена автором в текст в качестве «прикрытия».

Экспликация эвиденциальных значений реализуется в исследуемых языках (русском, немецком, английском) главным образом с помощью открытой группы лексико-синтаксических средств (Табл. 2): сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным, относящимся к модусному глаголу, вводные и парентетические конструкции, предложно-именные обороты, конструкции с модальными глаголами (в немецком языке), частицы и т.д. Немецкий язык располагает морфологическим средством выражения репортативной эвиденциальности – наклонением глагола конъюнктив I.

Таблица 2

Языковые средства выражения эвиденциальности в русском, немецком и английском языках

Э – эвиденциальное значение

Р – репортативное значение

И – инференциальное значение

* Прямые эвиденциалы не включены в таблицу, так как прямая эвиденциальность в исследуемых языках, как правило, не маркируется.

Средства экспликации		Маркер			Э
		русский	немецкий	английский	
морфологические	Наклонение глагола	–	Konjunktiv I	–	Р
	Модусный глагол акта коммуникации	модусный глагол в главной части СПП, вводные обороты с глаголом, деепричастные обороты	модусный глагол в главной части СПП	модусный глагол в главной части СПП, Participle I, первый компонент предиката в конструкции Complex Subject	Р
лексико-синтаксические	Прямая речь и цитация	+	+	+	Р
	Существительные и предложно-именные обороты	<i>толки, по словам</i> и т.п.	<i>die Rede, nach Worten</i> и т.п.	<i>news, reports, information</i> и т.п.	Р
	Эвиденциальные частицы, наречия и прилагательные	<i>де, мол, дескать, якобы</i>	<i>angeblich, vorgeblich</i>	<i>reportedly, reputedly, allegedly; alleged</i>	Р
	Конструкции с модальными глаголами	–	<i>sollen + Infinitiv Perfekt, wollen + Infinitiv Perfekt</i>	–	Р

Средства экспликации		Маркер			Э
		русский	немецкий	английский	
лексико-синтаксические	Вводные обороты и парентезы	вводные конструкции с модусными глаголами и существительными с соответствующей семантикой	парентезы по типу главной или придаточной части СПП, парентезы с наречием <i>so</i>	парентезы, выраженные словосочетанием, парентезы по типу главной или придаточной части СПП, синтаксические парентезы	Р
	вводно-модальные слова и наречия	<i>кажется, видимо, похоже</i> и др.	<i>vielleicht, wahrscheinlich, offenbar</i> и др.	<i>seemingly, apparently, obviously</i> и др.	И
	глаголы и глагольные конструкции	<i>прийти к выводу</i>	<i>zum Schluss kommen</i>	<i>conclude, to make up a conclusion</i> и др.	И

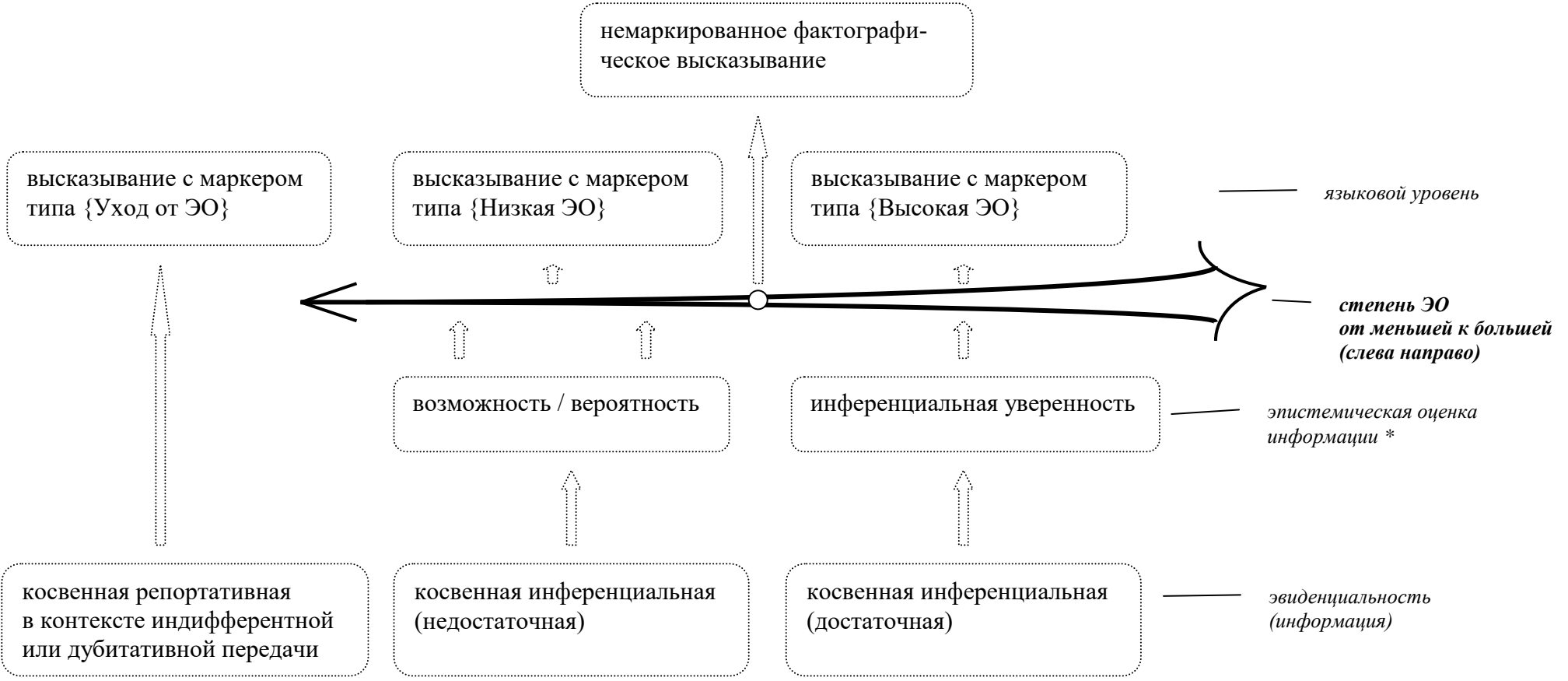
Третья глава «Языковые средства маркирования эпистемической ответственности в публицистическом тексте» посвящена анализу языковых средств маркирования эпистемической ответственности в текстах русской, немецкой и английской публицистики.

В основу типологии маркеров эпистемической ответственности положено понимание ее как категории, сопряженной со степенью уверенности субъекта в достоверности сообщаемого, а также со степенью авторства. При этом решающим фактором выступает не просто уверенность, а ее экспликация с помощью специализированных средств. Степень уверенности говорящего в достоверности пропозиционального содержания высказывания, описывающего определенное событие, зависит от следующих факторов: характер информации о событии, ее количество, источник и когнитивная обработка этой информации с эпистемической оценкой. В случае прямого доступа говорящего к описываемой ситуации он обладает о ней полной информацией, которая является достоверной, носит статус знания, сопряжена с состоянием полной уверенности, а следовательно, с полной эпистемической ответственностью. На языковом уровне это знание выражается в форме немаркированного фактографического высказывания, поскольку прямая эвиденциальность, как и эпистемическое значение простой достоверности, в исследуемых языках, как правило, не маркируется.

Исследование маркирования эпистемической ответственности предполагает рассмотрение высказываний, построенных на основе непрямого доступа к описываемой ситуации. Косвенная информация может рассматриваться говорящим как достаточная или недостаточная, на основании чего он строит инференциальный вывод с оценкой эпистемической уверенности или возможности / вероятности соответственно. На языковом уровне говорящий, как правило, маркирует эти категории (в случае искренности и добросовестного обращения с языком) с целью сигнализации, что передаваемая пропозиция не имеет статус факта. В случае введения в высказывание показателей проблематической достоверности (возможности / вероятности) говорящий снижает свою эпистемическую ответственность, а в случае подчеркивания своей уверенности в достоверности пропозиции повышает ее. При включении в высказывание репортативных эвиденциалов в контекстах индифферентной или дубитативной передачи говорящий снимает с себя эпистемическую ответственность.

Рис. 1

Шкала эпистемической ответственности (ЭО)

* согласно концепции Дж. Байби

На основе этой концепции, отраженной на Рис. 1, предложена типология маркеров эпистемической ответственности с учетом их принадлежности к типу (высокая ЭО, низкая ЭО, уход от ЭО), уровню языковой системы (морфологический / синтаксический / лексический) и лексико-грамматических характеристик (Табл. 3).

Тип **маркеров высокой степени эпистемической ответственности** является самым малочисленным и представлен тремя классами лексико-синтаксических средств:

Класс I. Вводные конструкции и эпистемические наречия, выражающие определенную степень уверенности говорящего в достоверности сообщаемого, инференцию на основе достаточной информации: *Безусловно, даже хороший учитель не может быть специалистом во всех областях, не имеет возможности разобратся в том, какой из учебников содержит достоверные сведения* [Газета.ru, 27.02.2013]; *Hauptverantwortlicher für ethnische „Säuberungen“ und die Morde – selbst an Kindern – ist zweifellos Serbenpräsident Slobodan Milosevic* [Berliner Morgenpost, 07.10.1998. COSMAS II]; *Certainly her marriage involved financial sacrifice and for the rest of her life she was almost always short of money* [Independent, elect. edn. of 19891009. Gazette material. BNC].

Класс II. Главная часть сложноподчиненного предложения, выражающая модус знания, уверенности, фактивности: *Я уверен, что это также хорошая новость и для России* [Газета.ru, 10.12.2012]; *Das Schöne vor Bundestagswahlen ist alle vier Jahre die Tatsache, dass die Kandidaten sich gern mit aktuellen oder ehemaligen Promis umgeben* [Mannheimer Morgen, 04.09.2013. COSMAS II]; *Everyone knows that their marriage is miserable* [Today. London: News Group Newspapers Ltd, 1992. BNC].

Класс III. Существительные и предложно-именные обороты, подчеркивающие фактуальный статус пропозиции или выражающие уверенность автора в ее достоверности: *В социальном плане мужчины и женщины по-прежнему не вполне равноправны, это факт* [Независимая газета, 29.02.2012]; *Berührungsangst gegenüber der Stasi war ihm mit Sicherheit fremd, Servilität gegenüber der Stasi aber wohl auch* [die tageszeitung, 19.02.2013. COSMAS II]; *The camel is without doubt one of the natural world's most remarkable forms of transport* [Guardian, elect. edn. of 19891222. London: Guardian Newspapers Ltd, 1989, Applied science material. BNC].

Средства снижения степени эпистемической ответственности представлены пятью классами, среди которых есть средства не только лексического и синтаксического, но и морфологического уровня (в немецком языке):

Класс IV. Будущее время глагола в немецком языке Futur I и Futur II в модальном употреблении с эпистемической оценкой пропозиции в категориях проблематической достоверности: *Manche der unschuldigen Leser seiner amüsanten Bücher werden gedacht haben, dass er einfach nur so heißt, und die Verbindung zu der berühmten ungarischen Adelsfamilie (Stichwörter: Eisenstadt, Haydn, Türkenkriege) nicht gezogen haben* [Die Zeit (Online-Ausgabe), 10.10.2001. COSMAS II].

Лексико-синтаксические средства представлены в публицистических текстах трех исследуемых языков:

Класс V. Вводные конструкции, парентезы и эпистемические наречия со значением проблематической достоверности, инференции на основе недостаточной информации или придающие высказыванию статус мнения: **Возможно**, бандиты все же выходили на связь с родителями Виктории, но обществу об этом в интересах следствия не сообщалось [Комсомольская правда, 13.05.2011. НКРЯ]; **Anscheinend** gibt es eine Gruppe in Rheinhessen, an denen das Winterchaos spurlos vorbeigegangen ist – die lieben Abiturienten [Rhein-Zeitung, 23.01.2013. COSMAS II]; **Criticisms from ex-players, in my opinion, are nothing but sour grapes** [Liverpool Echo & Daily Post. Liverpool: Liverpool Daily Post & Echo Ltd, 1993. BNC].

Класс VI. Главная часть сложноподчиненного предложения, представляющая собой модальную рамку со значением проблематической достоверности, придающая высказыванию статус оценочного: **Я думаю**, что присуждение Нобелевской премии мира Европейскому Союзу обосновано [Газета.ru, 10.12.2012]; **Es ist wahrscheinlich**, dass die Fortpflanzung der Edelfische daher fast ausschließlich in den Zuflüssen geschieht, in welche die reifen Tiere zum Laichen einwandern [St. Galler Tagblatt, 22.03.2013. COSMAS II]; **I believe that by around the year 2020 most foreign countries will be turning out better English-speaking teachers than in Britain** [Daily Telegraph, elect. edn. of 19920416. London: The Daily Telegraph plc, 1992, Arts material. BNC].

Класс VII. Повторяющиеся и двойные союзы *то ли ... то ли, не то ... не то, или ... или, либо ... либо* (рус.); *entweder ... oder* (нем.); *either ... or* (англ.): **То ли** стремясь подсократить число пожирателей уменьшающегося общественного пирога, **то ли** по другим каким-то мотивам, Владимир Путин очередной раз занялся наведением порядка в большом бизнесе [Газета.ru, 22.02.2013]; **Es gibt möglicherweise Jäger, die entweder aufgrund mangelnden Sehvermögens oder aufgrund mangelnder anatomischer Kenntnisse einen ausgewachsenen Hovawart nicht von einem Fuchs oder Reh unterscheiden können und trotzdem noch im Besitz eines Jagdscheins sind** [Nürnberger Nachrichten, 07.01.2013. COSMAS II].

Класс VIII. Модальные глаголы, а также глаголы *казаться / scheinen / seem*: «Российская студенческая весна» **должна** оставить самые яркие впечатления [Комсомольская правда, 13.05.2011. НКРЯ]; **Die in der Nähe von Seeheim-Jugenheim entdeckten Überreste seien komplett skelettiert, müssten also schon länger dort liegen als die verstümmelte Leiche** [Frankfurter Allgemeine, 08.10.2012]; **He seems prepared to let this country bleed to death while those on guaranteed incomes just look on** [The Daily Mirror. London: Mirror Group Newspapers, 1992. BNC].

Наиболее многочисленным является тип **маркеров ухода от эпистемической ответственности** (семь классов), представленный средствами с репортивной семантикой. В этом типе выделяется один класс морфологических маркеров, характерный исключительно для немецкого языка:

Класс IX. Немецкое наклонение глагола Konjunktiv I: **Er erklärte, dass er seine vier Kinder mit einem Messer getötet habe** [Frankfurter Allgemeine, 10.10.2012].

К лексико-синтаксическим средствам этого типа относятся:

Класс X. Вводные конструкции и парентезы со значением репортивной эвиденциальности: *Между тем, по прогнозам российского правительства, среднегодовые цены на российскую нефть составят в этом году около 110 долл. за баррель* [Независимая газета, 07.03.2012]; *They decided, according to this writer, to bring up their babies alone because they want to be independent and manage their lives without a man* [The Daily Mirror. London: Mirror Group Newspapers, 1992. BNC]; *Die US-Umweltbehörde hatte den Einsatz nach, wie sie mitteilte, zahlreichen Untersuchungen zugelassen* [die tageszeitung, 17.05.2010. COSMAS II].

Класс XI. Главная часть сложноподчиненного предложения с репортивно-эвиденциальным модусом: *О кадровых решениях в областном ГУ ФСИН пока не говорят, но источник «Газеты.Ru» утверждает, что руководители колонии будут уволены* [Газета.ru, 05.12.2012]; *Dorfbewohner erzählen, dass die Eheleute am Freitag noch beim Zeitunglesen im Garten saßen* [Frankfurter Allgemeine, 02.04.2012]; *It is said that the investigation was ordered by a civil servant, not a Minister* [Today. London: News Group Newspapers Ltd, 1992. BNC].

Класс XII. Прямая речь и цитация в сопровождении модусных глаголов акта коммуникации или, реже, ментальной деятельности (*сказать, говорить, заявить, сообщить, рассказать, пояснить, отметить, признаться, настаивать, написать, считать; sagen, mitteilen, erklären, erzählen, berichten, kritisieren, schreiben; say, tell, add* и т.п.): *«Если Стрекел нечего скрывать про нарушения прав наших детей, почему не дает нам увидеть их?» – написал в твиттере, используя риторический вопрос, классический прием советской пропаганды, уполномоченный МИД РФ по вопросам прав человека, демократии и верховенству права Константин Долгов* [Газета.ru, 06.02.2013]; *Richter Alistair McCreath vertrat die Ansicht, dass das Handeln des Studenten „eventuell sehr ernste Konsequenzen“ hätte nach sich ziehen können* [Hamburger Morgenpost, 19.02.2012. COSMAS II].

Класс XIII. Глаголы коммуникативной и ментальной деятельности, реализующие свой эвиденциальный потенциал через дополнение (1), в позиции первого глагольного компонента в конструкции Complex Subject (2), а также при оформлении дополнительной предикации – деепричастной (3) или причастной (Participle I) (4) в сочетании с субъектом, некоррелирующим автору: (1) *Es handelt sich nach Angaben des Fernsehsenders „CNN Türk“ um eine armenische Passagiermaschine. Die Zeitung „Hürriyet“ berichtete von einem Frachtflugzeug* [Frankfurter Allgemeine, 15.10.2012]; (2) *Ceausescu's aim in issuing such a threat was probably to frighten Hungary, but Romania already has the delivery system in the form of Soviet built Scud missiles and is believed to be developing its own missile with the help of Egypt and Iraq* [Guardian, elect. edn. of 19891222. World affairs material. BNC]; (3) *Желающие пройти в депутаты Верховной Рады Украины по мажоритарной системе в 2012 году должны быть готовы потратить на кампанию до полутора миллионов долларов. Такие данные, ссылаясь на результаты опросов экспертов, опубликовал киевский журнал «Власть денег»* [Новый регион 2, 04.04.2011. НКРЯ]; (4) *The US sought to cast doubt on the claim, saying none of its drones was missing* [The Independent, 04.12.2012].

К этому классу маркеров снижения эпистемической ответственности относятся также немецкие модальные глаголы *sollen* и *wollen*, которые в сочетании с перфектным инфинитивом выражают значение репортативности.

Конструкция *sollen* + Infinitiv II употребляется для индифферентной передачи информации, субъект которой некоррелирует автору высказывания и не называется в предложении, оставаясь «за кадром»: *Anschließend soll sich der Arzt selbst verletzt haben, bevor er die Militärpolizei rief* [Frankfurter Allgemeine, 09.10.2012]. Конструкция *wollen* + Infinitiv Perfekt выражает репортативное значение с оттенком дубитативности в условиях коррелированности логофорического субъекта грамматическому субъекту предложения: *Richter Mentz liest ihm deshalb seine Aussagen vor, teilweise Satz für Satz. Es hilft nichts. Der Zeuge will dies nie gesagt haben und schwört: „Allah ist mein Zeuge“* [Die Zeit (Online-Ausgabe), 12.12.2002. COSMAS II].

Класс XIV. Существительные, указывающие на косвенный источник информации: *Песков опроверг утверждения о попытке российских войск проникнуть на Украину* [Lenta.ru, 09.08.2014]; *Die Information, dass auch diese Kabine und deren Telefonapparat abgebrochen werde, löste bei der Bevölkerung Unmut aus* [St. Galler Tagblatt, 08.02.2013. COSMAS II]; *Information about the plane's flight data records is mixed* [The Independent, 19.07.2014].

Класс XV. Эвиденциальные частицы и наречия. К эвиденциальным частицам в русском языке относятся *де, мол, якобы, дескать*, выражающие эвиденциально-эпистемическое значение репортативности и сомнения в достоверности сообщаемого. Основным семантическим компонентом в структуре значения частицы *якобы* является сема сомнения в достоверности передаваемой информации, тогда как семантическим ядром значений частиц *де, дескать, мол* выступает сема репортативности: *Последние дни вновь обсуждается идея о том, что надо, дескать, досрочно переизбрать около 30 губернаторов, чтобы их выборы не приходились на 2017 год* [Газета.ru, 20.11.2012].

В контексте исследования интерес представляют также немецкие *angeblich, vorgeblich*, сочетающие в себе семантику репортативности и проблематической достоверности: *Wie die Polizei mitteilte, gestand der 32jährige Großmarktleiter aus Mannheim, den Überfall vorgetäuscht und sich vorgeblich dabei erlittene Kopfverletzungen selbst beigebracht zu haben* [Mannheimer Morgen, 15.04.1989. COSMAS II], а также английские наречия *supposedly, reportedly, reputedly, allegedly*, лексикографический анализ которых показал, что для *supposedly* характерно совмещение репортативно-эвиденциальной семантики с эпистемическим значением дубитативности, недоверия к достоверности передаваемой информации, тогда как у наречий *reportedly, reputedly, allegedly* дубитативная семантика не зафиксирована: *Joyce scholars were also disappointed that the archive does not contain any of the erotic letters reputedly written in 1909 by his wife, Nora, which are thought to have inspired the character Molly Bloom in Ulysses, his most famous novel* [Daily Telegraph, elect. edn. of 19920406. Arts material. BNC].

**Языковые средства маркирования эпистемической ответственности
в публицистическом тексте
(на материале текстов русской, немецкой и английской публицистики)**

Средства ЭО	Морфологические (только в немецком языке)		Синтаксические				Лексические			
	Время глагола	Наклонение глагола	Вводные конструкции и парентезы	Главная часть СПП	Повторяющ. и двойные союзы	Прямая речь и цитация	Эпистемич. наречия	Сущ.	Глаголы	Эвиденц. частицы и наречия
Высокая			+	+			+	+		
Низкая	+		+	+	+		+		+	
Уход		+	+	+		+		+	+	+

Следует отметить, что маркеры снижения степени эпистемической ответственности и ухода от нее значительно превышают по объему средства выражения высокой ответственности, что может свидетельствовать о выраженности в жанрах аналитической журналистики, с одной стороны, стратегии ограничения эпистемической силы высказывания в контекстах интерпретации, комментария, оценки, а с другой – о стремлении к максимально возможной степени объективности передачи информации через указание на ее источник, что также очень распространено в новостной журналистике. Немаркированное высказывание является преобладающей формой выражения полной эпистемической ответственности.

В заключении подводятся итоги исследования и обозначаются его перспективы.

**Основные положения диссертационного исследования отражены
в следующих публикациях:**

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Чепурная, А.И. Модель базы данных языковых средств выражения эпистемической ответственности / А.И. Чепурная, С.И. Красса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №1 (19). – С. 205–209. (0,3/0,19 п.л.).
2. Красса, С.И. Процедуры выявления авторской позиции в публицистическом тексте / С.И. Красса, А.И. Чепурная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №3 (21): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 81–85. (0,3/0,13 п.л.).
3. Чепурная, А.И. Вводные слова как средство снижения эпистемической ответственности / А.И. Чепурная // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2013. – №8 (35). – Т. 2. – С. 262–270. (0,56 п.л.).

Статьи в изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science и SCOPUS

4. Ćepurnaja, A. Epistemische Verantwortung in der Mediensprache: Meinung vs. Behauptung / A. Ćepurnaja // Zeitschrift für Slawistik. – 2014. – №59 (1). – S. 83–102. (1,25 п.л.).

Публикации в других изданиях

5. Чепурная, А.И. Эпистемическая модальность в диффамационном публицистическом тексте (на материале текстов русской и немецкой публицистики) / А.И. Чепурная // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 424–426. (0,19 п.л.).

6. Чепурная, А.И. Ответственность автора и модальность мнения / утверждения в текстах масс-медиа (на материале русской и немецкой публицистики) / А.И. Чепурная // Язык. Дискурс. Текст: V Международная научная конференция, посвященная юбилею профессора Г.Ф. Гавриловой: Труды и материалы. Ч. I. – Ростов н/Д.: Изд-во «АкадемЛит», 2010. – С. 315–318. (0,25 п.л.).

7. Чепурная, А.И. Речевое манипулирование в контексте диффамации: уровень факта / А.И. Чепурная // Сборник трудов молодых ученых: материалы 55-ой научно-методической конференции «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – С. 105–107. (0,19 п.л.).

8. Чепурная, А.И. Эпистемическая ответственность автора и косвенная эвиденциальность в медиатексте (на материале немецкого языка) / А.И. Чепурная // Модернизационный потенциал российской экономики и общества: материалы Международной научно-практической конференции; Институт Дружбы народов Кавказа. Ч. 3. – Ставрополь: РИО ИДНК, 2011. – С. 136–138. (0,19 п.л.).

9. Чепурная, А.И. Средства выражения реферативной эвиденциальности в медиатексте [Электронный ресурс] / А.И. Чепурная // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 434–436. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/structure_28_1316.htm. (0,19 п.л.).

10. Чепурная, А.И. Реферативная эвиденциальность в текстах масс-медиа / А.И. Чепурная // Структурно-содержательные компоненты ФГОС-3 как детерминанты формирования профессиональной компетентности лингвиста-преподавателя и лингвиста-переводчика: материалы 56-й региональной научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону» (Ставрополь, 20-21 апреля 2011). – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – С. 178–181. (0,19 п.л.).

11. Чепурная, А.И. Автор публицистического текста как дискурсообразующая категория / А.И. Чепурная // Традиции и инновации в лингвистике и в современном лингвистическом образовании: материалы 57-й региональной научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университет-

ская наука – региону» (Ставрополь, 19-20 апреля 2012). – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – С. 195–201. (0,3 п.л.).

12. Чепурная, А.И. К проблеме эпистемической ответственности в языке журналистики / А.И. Чепурная // *Problems of modern philology, pedagogics and psychology. Materials digest of the XXV International Scientific and Practical Conference and the II stage of Research Analytics Championship in pedagogical sciences, psychological sciences and the I stage of the Research Analytics philological sciences.* (London, 16-21 May, 2012) / International Academy of Science and Higher Education; Organizing Committee: T. Morgan (Chairman), B. Zhytnigor, S. Godvint, A. Tim, S. Serdechny, L. Streiker, H. Osad, I. Snellman, K. Odros, M. Stojkovic, P. Kishinevsky, H. Blagoev. – London: IASHE, 2012. – P. 134–136. (0,19 п.л.).

13. Чепурная, А.И. Лингвоюридический аспект эпистемической ответственности / А.И. Чепурная // *Инновации в науке: материалы X международной заочной научно-практической конференции. Часть II.* (16 июля 2012 г.); [под ред. Я.А. Полонского]. – Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. – С. 98–102. (0,3 п.л.).

14. Chepurnaya, A.I. Autor im publizistischen Diskurs / A.I. Chepurnaya // *European Science and Technology: materials of the III international research and practice conference, Vol. II, Munich, October 30th-31st, 2012.* – Munich, Germany: publishing office Vela Verlag Waldkraiburg, 2012. – P. 114–116. (0,19 п.л.).

15. Чепурная, А.И. Экспликация эпистемической модальности в английской публицистике / А.И. Чепурная // *Сборник научных трудов SWorld: материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании'2012».* – Выпуск 4. Том 40. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. – С. 48–52. (0,3 п.л.).

16. Чепурная, А.И. Эпистемическая модальность как выражение ответственности за пропозициональное содержание высказывания / А.И. Чепурная // *Филология, журналистика и межкультурная коммуникация в диалоге цивилизаций: материалы I-й ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука – региону» / под ред. Гусаренко С.В.* – Ставрополь: ООО ИД «ТЭСЭРА», 2013. – Ч. 1. – С. 415–419. (0,3 п.л.).

17. Чепурная, А.И. Категория эвиденциальности в соотношении с эпистемической ответственностью / А.И. Чепурная // *Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко.* Выпуск 11. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. – С. 112–120. (0,56 п.л.).

18. Чепурная, А.И. Существительные с семантикой реферативности в аспекте маркирования эпистемической ответственности / А.И. Чепурная // *Paradigmata poznání.* – 2014. – №1. – С. 83–85. (0,19 п.л.).